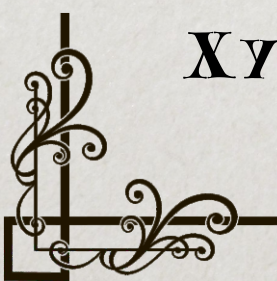

НИКОЛАЙ ХОДОВ
ДЕНИС БУТОЧНИКОВ

РАССКАЗЫ

ХУДОЖНИК ЕЛЕНА ДАГОДНОВА

Двадцать добрых дел

Эта история случилась летом, в тот год, когда я только закончил девятый класс. Я чувствовал себя уже вполне самостоятельным, поэтому с разрешения родителей устроился работать в сельсовет. Село наше большое и довольно богатое, есть даже сельская школа, в которой я тогда и учился. В сельсовете мне поручили работу с документами: я их печатал, подшивал, подклеивал, раскладывал по папкам. Эта работа мне в общем-то нравилась, но меня беспокоила одна небольшая проблема. В июне мы должны были отработать ещё и летнюю школьную практику: сделать не менее 10 добрых дел в нашем селе и в конце месяца на общем собрании отчитаться об этом. Вот как раз до этой практики руки у меня никак и не доходили, потому что днём до самого вечера я работал в сельсовете, а после работы времени оставалось только на спокойный ужин, отдых и сон. Время шло, а у меня списке добрых дел пока не было ни одного пункта. Не лучше дела обстояли и у моего друга Толика.

– Знаешь что, Толянч, – сказал я ему, когда в обед мы сидели на крылечке сельсовета и пили парное молоко, заедая его мягким белым хлебом, – ты поспрашивай по селу, где кому чего сделать надо, а вечером мы с тобой быстренько и сделаем. А то времени уже мало остаётся, мне, сам понимаешь, некогда, а ты всё равно целыми днями без дела болтаешься.

Толик явно хотел что-то возразить, но не смог, потому что только что откусил здоровенный кусок хлеба и теперь сосредоточенно жевал его. Он только выпучил глаза и замотал головой, а я, воспользовавшись его заминкой, продолжил:

– Нет, ты не обижайся, я просто к тому, что денёчки идут, так скоро и июнь кончится, а нам нужно каждому по 10 добрых дел сделать, а на двоих так и вообще 20! Как отчитываться будем, если у нас до сих пор ничего нет?

Толик к этому времени прожевал хлеб и, глотнув молока, сказал:

– Ну, я вчера, например, бабе Зине вёдра с водой от колодца донёс...

– Да при чём здесь баба Зина! – махнул я рукой. – Ты же помнишь, как нам наша классная говорила, что дело должно быть большим, значимым, в масштабах села, такое, чтобы всем видно было.

– Так где ж мы с тобой столько дел наберём, да ещё в масштабах села? – удивился мой друг. – У нас в классе двадцать шесть человек – это ж двести шестьдесят добрых дел сделать надо! Такое и Тимуру со всей его командой не снилось!

– Насчёт Тимура не знаю, – отозвался я, в свою очередь откусывая свой хлеб, – а вот краснеть на собрании нам с тобой придётся! А это не хотелось бы...

Толик со мной согласился и сразу после обеда развил бурную деятельность: он обежал всё село, от почты до машинно-тракторной станции, побывал в полях и на пасеке, даже съездил на велосипеде на ферму за реку. К вечеру его труды принесли свои результаты: он нашёл нам первое задание. Мы разгрузили целую машину с

досками для Дома культуры и вытащили строительный мусор из его vestibюля, а на следующий день мыли технику на машинно-тракторной станции и помогали развозить корма на ферме.

Таким образом дело с нашей практикой наладилось: днём Толик находил какое-нибудь задание, а вечером, после моей работы, мы его выполняли. Похоже моему другу даже понравилось искать для нас эти хорошие дела, а потом аккуратно вписывать их в блокнотик. Можно сказать, что у него проснулся своего рода охотничий азарт. Благодаря этому мы неожиданно быстро записали на свой счёт целых 18 общественно-полезных дел. Восемнадцатым была работа на строительстве нового коровника: мы вместе с рабочими месили цементный раствор. Вот за этим занятием мы совершенно случайно узнали ещё про одно дело, которое вполне нам подходило. Сельский агроном Василий Степанович просил выделить людей, чтобы спилить старое засохшее дерево, мешающее работать тракторам в поле. Услышав это, мы с Толиком даже лопаты побросали: уж очень хотелось вписать девятнадцатый пункт в наш список хороших дел.

– Делов-то, – радовался Толик, когда мы получили добро на выполнение этого задания, – взял двуручную пилу, вжик-вжик и готово! Пять минут – и дело в шляпе!

Я с ним был полностью согласен, поэтому, закончив работу на коровнике, мы не мешкая отправились в сельсовет к Василию Степановичу.

– Смотрите, ребята, – сказал он, – прямо напротив дома председателя, рядом с дорогой в поле стоит сухое дерево. Там и сучков-то уже почти не осталось, один ствол торчит. Вот его и надо спилить, чтобы не мешал.

Нам было всё предельно ясно, и в этот же вечер, чтоб не откладывать в долгий ящик, мы и решили выполнить это задание. Только всё сложилось не совсем так, как планировалось. Во-первых, было уже довольно поздно, во-вторых, Толику потом пришлось сидеть с младшей сестрёнкой, а мне ждать его и заниматься домашними делами, а в-третьих, когда стало уже совсем поздно, пошёл дождь и не просто пошёл, а припустил по полной программе: лил, как из ведра! И когда я, весь мокрый, ввалился к Толику домой, то был уверен, что сегодня мы уже никуда не пойдём.

– Да ну, – махнул он рукой, – подумаешь – дождик! Что мы – сахарные что ли? Сейчас плащи наденем и пилнём деревце.

– Давай может завтра вечером? – неуверенно предложил я.

– Вечером у нас наверняка другая работа будет! – отрезал Толик. – Надо сегодня.

– Ну тогда завтра в обед, – сдавался я, – как раз успеем...

– Не получится, – покачал головой мой друг. – Мне завтра днём Машку к зубному вести.

– Ладно, давай сегодня, – согласился я. – У тебя второй плащ есть?

– Есть, но только отцовский.

– Ну пусть будет отцовский, – обрадовался я. – Даже ещё лучше – посвободнее.

Облачившись в плащи, надвинув капюшоны по самые глаза и прихватив двуручную пилу, мы двинулись к полю. На улице темнотища была, хоть глаз коли: ни луны, ни звёзд, одни тучи. Дождь стоял буквально стеной. Сверху так лило, что вода в канавах журчала и пенилась, как в горной реке. Ноги скользили и разъезжались на мокрой земле, а к сапогам прилипли здоровенные комья глины. Мы брели, ссутулившись, как два гнома, не глядя по сторонам и боясь оступиться. Я ругал про себя и злополучное дерево, и этот дождь, и Толяна, которому в такую погоду не сиделось дома.

В конце концов мы добрались до дома председателя, пересекли дорогу и тут же наткнулись на дерево, которое нужно было спилить.

– Ну, слава Богу, – пробубнил Толик из-под капюшона, пошарив руками по гладкому стволу, – дочапали, вот оно! Бери скорее, – и он сунул мне рукоять пилы.

Чтобы не осталось и пенька, мы нагнулись пониже и принялись пилить у самой земли. Мне так хотелось домой в тепло и уют, что я налегал на пилу изо всех сил и буквально с остервенением рвал её на себя. Толику этого, видимо, хотелось не меньше, поэтому он, пыхтя, как паровоз, до упора вытягивал к себе полотно пилы и легко отпускал его мне назад, но тут же опять выдёргивал обратно. Работа спорилась. Очень быстро дерево стало крениться, а мы, оперевшись плечом в ствол, начали отжимать его в сторону дороги. Ещё через секунду с сухим треском оно рухнуло наземь.

– Уф, есть дело! – выдохнул Толик, разгибаясь. – Давай оттащим его немного.

Мы сделали несколько шагов вдоль ствола и обомлели: это было не дерево, а деревянный столб новой линии электропередачи, которую начали тянуть вдоль дороги. Вот уже несколько дней эти столбы, словно солдаты, стояли ровной шеренгой в едином строю, ярко сверкая белыми изоляторами в лучах солнца на своих деревянных макушках. Линия предназначалась для будущего коровника, где мы работали сегодня, но пока на ней не было даже проводов. Мы с Толиком оторопело смотрели друг на друга.

– Ну он же сказал: почти без сучков, один ствол торчит, – глядя на меня, попытался оправдать нас Толик, вспомнив слова агронома. – А в этой темнотище разве различишь чего...

Я хорошо понимал его, потому что сам щупал руками столб и был уверен, что это сухое дерево. Да, что и говорить, дурака мы сваляли знатного!

– И что теперь делать? – спросил Толик, когда мы немного пришли в себя.

– Давай по-тихому оттащим его в кусты и забудем про это! – предложил я.

Мы подхватили столб с двух сторон и, хлюпая сапогами по раскисшей земле, поволокли его подальше от дороги. По пути мы наткнулись на дерево, которое должны были спилить.

– А с деревом что будем делать? – спросил я.

– Что делать – пилить его! Ты же этот столб как доброе дело не предъявишь! – раздражённо ответил Толик.

Закончив со столбом, мы спилили ещё и дерево и бросили его в тех же кустах. Домой мы оба вернулись очень поздно и в прескверном настроении. Я был рад, что все домашние уже спали и меня никто ни о чём не спрашивал.

Проснувшись утром, председатель сладко потянулся, радуясь новому летнему дню, но тут же замер, глядя в окно. Ещё вчера прямо напротив его дома стоял новый деревянный столб линии электропередачи, предназначенной для будущего коровника, который к осени нужно было ввести в эксплуатацию. Сейчас этот столб исчез. Председатель лёг животом на подоконник, чуть ли не по пояс высунувшись в оконный проём, посмотрел налево, направо и убедился, что все столбы на месте, пропал только его.

– Вот же как делают! – возмутился он. – Ещё не успели поставить, а они уже падают!

С этими словами он быстро накинул рубашку на одно плечо и двинулся к телефону.

– Михалыч, ты? – без предисловий спросил он в трубку. – Что ж вы так столбы ставите? Стоило ночью дождику пройти, земле чуток раскиснуть, как ваши столбы уже падают! Такую халтуру не приму, так и знай!

На том конце провода, видимо, пытались убедить председателя, что такого быть никак не может, но он даже слушать ничего не стал:

– Ты делай мне что хочешь, но чтоб к завтраму столб стоял на прежнем месте, да так, чтобы никаким смерчем его выдернуть не могло! – распорядился председатель и бросил трубку.

Утром я, как обычно, пришёл на работу в сельсовет и уже хотел приступить к своим обязанностям, как услышал голос председателя, который сидел в своём кабинете и, разговаривая с кем-то, громко возмущался по поводу электриков. Невольно прислушавшись, я понял, что речь идёт о столбе, который мы с Толиком случайно спилили этой ночью. Всё сводилось к тому, что председатель обвинял электриков в плохой работе и был настроен очень серьёзно. Меня так взволновало услышанное, что нормально работать я уже не мог: у меня буквально всё валилось из рук, и я с нетерпением ждал появления своего друга. Получалось, из-за нас могли пострадать совершенно невинные люди. А кроме того, я прекрасно понимал, что очень быстро выяснится, почему пропал столб, да и его самого без труда найдут в кустах вместе с нашим деревом.

«Что делать?» – ломал я себе голову весь день до обеда, бесцельно перекладывая бумаги на столе. Этот же вопрос я поставил перед Толиком, когда он появился с молоком и булками у меня под окном.

– Да, дела, – пробормотал он, почесав затылок. – Я думал, у меня плохая

новость, что я двадцатое дело, как назло, найти не могу, а у нас, оказывается, совсем другие проблемы...

Мы немного помолчали, даже забыв про еду.

– Слушай, – неуверенно начал я, нарушив молчание, – Михалыч, бригадир электриков, со вчерашнего дня в районе, в селе его нет и сюда он сейчас не поедет. Председатель, я слышал, после обеда собирался в город. Поэтому сегодня нашим столбом никто заниматься не будет. Значит надо за вечер или за ночь как-то решить этот вопрос, чтобы к утру всё было нормально.

– А как решить? – спросил меня Толик и, только сейчас вспомнив про еду, протянул мне пакет с булками.

– Я вижу только один вариант, – развёл я руками, – вкопать этот спиленный столб обратно. Выдернем то, что осталось в земле, и в эту дырку вставим то, что отпилили.

– А так можно? – усомнился мой друг.

Я только пожал плечами. Ответить ему было нечего.

Этим вечером мы не занимались общественно-полезными делами, а готовились устранять последствия своих плохих дел. Сразу после моей работы мы с другом отправились спать, предупредив родителей, что рано утром уйдём на рыбалку. Конечно, ни на какую рыбалку мы не собирались. Вместо удочек у меня в сарае уже были приготовлены длинная толстая верёвка, лом и две лопаты. Поскольку в июне темнеет поздно, мы договорились с Толиком, что он зайдёт за мной в двенадцать, мы возьмём инструмент и отправимся в поле вкапывать спиленный столб. Спать так рано мне не хотелось, поэтому я ворочался с боку на бок и всячески мям подушку, устраиваясь поудобнее. Когда я в конце концов всё же уснул и мне даже начал сниться какой-то сон, в окно осторожно постучали. От неожиданности я подскочил на кровати, но увидев, что стрелки часов показывают полночь, сразу сообразил, что это Толик.

Нагрузившись инструментом и стараясь не звенеть им, мы двинулись в сторону поля. Ночь, как назло, стояла светлая, и нам пришлось идти вдоль заборов, держась в тени, и нырять в кусты при малейшем подозрительном шорохе. Село ещё не угомонилось, во многих домах горел свет, слышались голоса и даже музыка. Мы тешили себя мыслью, что в поле-то, наверное, уже никого нет. Но даже там мы не могли поработать спокойно, потому что по дороге часто проезжали машины, освещая всё вокруг ярким светом фар.

Первым делом мы принялись откапывать невысокий пенёк, оставшийся от столба.

– Землю далеко не откидывай, – посоветовал я Толику, – давай её вот здесь в кучку сложим, потом удобнее брать будет.

– Хорошо хоть они эти столбы бетоном не залили, а то шиш бы мы с тобой тут чего выдернули! – отозвался мой друг, орудуя лопатой.

– Деревянные столбы бетоном не заливают, – авторитетно заметил я: всё-таки наша работа с цементным раствором на коровнике дала свои плоды и кое в чём я начал разбираться.

В этот момент на дороге появилась очередная машина.

– Ложись! – скомандовал Толик, и мы, откинув лопаты, плюхнулись прямо на свежевыкопанную землю.

– Да успокоятся они когда-нибудь! – проворчал я, поднимаясь на ноги и небрежно отряхиваясь, когда машина проехала. – Ночь глубокая, а они всё ездят куда-то!

Мы откопали вокруг столба почти на метр в глубину, а он только-только начал шататься.

– Долго ещё? – спросил меня Толик.

– Да откуда мне знать, – отмахнулся я. – Не я же эти столбы закапывал! Ишь, засадили: не выдернешь никак! Давай, раскачивай, может пойдёт...

Ухватившись двумя руками, мы стали раскачивать обрезок столба, торчащий из земли.

– Стой, хватит, – остановил я своего друга. – Бесполезно, надо ещё копать.

В тишине ночи опять раздался осторожный скрежет лопат.

– Тише ты! – сдавленно шикнул на меня Толик, когда моя лопата со звоном ударилась о камень. – Забыл что ли: под самыми председательскими окнами работаем! – прошептал он.

Я и сам испугался этого звука и даже присел на корточки от неожиданности. Но, к счастью, всё обошлось: село постепенно засыпало. Так, периодически расшатывая столб и откапывая его, мы продвинулись довольно глубоко.

– Ну что, попробуем выдернуть? – предложил я.

– Ага, – согласился Толик.

Мы накинули верёвку на торчащий обрезок и, вцепившись в неё руками, что есть силы потянули вверх. Раздался приглушённый чавкающий звук и, поддавшись, столб выдернулся из своего отверстия.

– Ну, слава Богу! – выдохнул я. – Поддела сделали!

– Куда его? – спросил Толик.

– А, давай туда же, в кусты! – махнул я рукой.

Мы подхватили обрезок за его сырые бока и, пригнувшись, чтобы быть менее заметными, почти бегом направились к кустам. В обратном направлении мы тащили верхнюю часть от спиленного прошлой ночью столба. Она была не в пример тяжелее, поэтому так ловко и быстро у нас не получалось.

– Как мы его только в эти кусты вчера затащили? – удивлялся Толик.

– Со страху чего не сделаешь, – ответил я ему и хотел ещё что-то добавить, но споткнулся и грохнулся наземь. Столб вырвался из рук и с глухим звуком плюхнулся в траву.

– Ах, чтоб тебя! – выругался Толик, которого, видимо, немного зашибло нашей ношей.

– Извини, – прохрипел я. – Не видно тут ни шута!

– Как мы его ставить-то будем? – спросил мой друг. – Тяжёлый он, зараза!

– Да, когда он вчера сам упал, проще было! – поддакнул я. – Но надо как-то изловчиться: у нас других вариантов нет.

Подтащив столб к дырке в земле, мы принялись поднимать его. Как ни странно, это удалось довольно быстро и просто. Сначала мы приподняли столб вдвоём за один край, а потом, перебирая по нему руками, поставили его почти вертикально, и он сам благополучно съехал в вырытую яму.

– Порядок! – обрадовался я, потирая руки. – У тебя глазомер хороший?

– Не жалуюсь, – удивлённо отозвался Толик.

– Тогда держи столб ровно, а я его засыпать начну.

Свою работу мы закончили под самое утро, когда только начало светать. Столб стоял, как влитой, а место вокруг него мы обложили срезанным в стороне дёрном, тем самым замаскировав следы своей деятельности.

– Ну вот, теперь порядок! – удовлетворённо заметил я, отступив на шаг и оценивая результат нашей работы. – Давай сматываться отсюда, пока не поздно.

Подхватив инструменты, мы с моим другом удалились восвояси, даже ни разу не оглянувшись назад.

Утром председатель проснулся в очень хорошем настроении. Этому способствовали вчерашняя удачная поездка в город и сегодняшнее солнечное утро. Откинув одеяло, он прошлёпал босыми ногами к окну и, надавив рукой на раму, широко распахнул створки. То, что он увидел, заставило его замереть в полусогнутом состоянии. Столб, которого ещё вчера не было, стоял на месте, привычно поблёскивая на ярком солнце белыми фарфоровыми изоляторами. Но только он был значительно ниже своих собратьев, выстроившихся в ряд вдоль дороги.

– Что это такое? – не понял председатель. – Просел он что ли? Да нет, просесть, вроде, не мог, – и председатель почесал затылок. – Это небось Михалыч какой-то некондит поставил, короче на два метра! И когда успел только? Неужели ночью? Нет, ночью они не могли работать, – вслух рассуждал председатель, отвечая самому себе. – Но не из-под земли же столб вырос? Или, наоборот, врос? – совсем запутался он и, чтобы прояснить ситуацию, не одеваясь, направился к телефону.

– Здорово, Михалыч! – зычно бросил он в трубку. – За столб тебе, конечно, спасибо! Только чего он у тебя такой короткий? Что, нормального не нашлось что ли?

– Какой столб? – голосом Михалыча спросила трубка.

– Ну тот, который перед моим домом, – пояснил председатель. – Да и про остальные не забывай: там до коровника ещё метров двести.

– До коровника мы доведём. Завтра как раз машина к тебе придёт, недостающие столбы привезёт. А с тем, что перед твоим домом – не морочь мне голову: это уже не смешно!

– Что значит «не морочь»? – разозлился председатель. – Вчера вообще столб пропал, сегодня на его месте какой-то недомерок торчит, а завтра ты мне что сюда воткнёшь?

– Да ничего я не буду втыкать! – тоже разозлился Михалыч. – Перед твоим домом уже всё сделано!

– Как сделано?! – закричал в ответ председатель. – Ты мне что, линию электропередачи волнами поведёшь что ли?!

– Да почему волнами? – заорала трубка. – Все столбы как по струнке стоят!

– По какой струнке?! – взбеленился председатель. – Ты где такую струнку видел, как американские горки: то вверх, то вниз!

Этот разговор продолжался ещё несколько минут, но не дал никакого результата, кроме одного: в конец испорченного настроения председателя. Всё утро в сельсовете он только и делал, что ругал Михалыча с его коротким столбом. Услышав это, я бросил работу и сбегал посмотреть на наше ночное творение. Столб действительно совершенно не вписывался в общий строй: он был ниже всех остальных чуть не в половину.

В обед мы опять встретились с Толиком и снова обсудили сложившуюся ситуацию.

– Да, это не столб, а просто огрызок какой-то, – согласился Толик, который ещё раньше меня успел увидеть результаты нашей ночной работы. – На такой провода натягивать нельзя...

– А на земле вроде длинным казался, – ни к кому не обращаясь, заметил я. – Кто ж знал, что их так глубоко закапывают!

Толик ничего не ответил, а только спросил:

– Что делать-то будем?

– Нужен новый столб, – подвёл я черту.

– И где нам его взять?

– А ты знаешь, есть один вариант! – ответил я, поморщив лоб и почесав его рукой. – Только сегодня ночью опять придётся поработать...

На следующее утро председатель проснулся в плохом настроении: его очень волновала линия электропередачи. Он прекрасно знал, что ни вчера, ни ночью никаких работ не было. Поэтому все его надежды были на наступающий день. Без особого энтузиазма председатель направился к окну и резким движением отодвинул занавеску. То, что он увидел за стеклом, повергло его в такой шок, что он не сразу нащупал шпингалет, запирающий оконную раму. Прямо перед его окном вместо столба за ночь выросло настоящее дерево, только почему-то страшное, сухое, корявое, полностью лишённое коры, без листьев, с короткими

обломками сучьев, торчащими в разные стороны. Но, однако это было не совсем дерево: его верхушка была спилена вровень с окружающими столбами и увенчана новенькими изоляторами для подключения электрических проводов. Само же дерево стояло точно в линии будущей электропередачи, заменяя собой пропавший прошлой ночью столб.

Председатель сначала долго стоял и хлопал глазами и даже несколько раз протёр их руками. Потом задвинул шторы, чтобы не видеть этого, сходил умылся и, немного успокоившись, чуть ли не на цыпочках вернулся к окну и, аккуратно, двумя пальцами приоткрыв занавеску, осторожно выглянул на улицу. Нет, то, что он увидел несколько минут тому назад, ему не приснилось: вместо столба действительно стояло дерево с изоляторами. Председатель опять несколько раз зажмурил и открыл глаза, а когда окончательно убедился, что это не сон и не обман зрения, направился к телефону – звонить в район

Михалычу. Но до электрика он не дозвонился. Положив трубку и даже не позавтракав, председатель вышел на улицу через заднее крыльцо, только чтобы не видеть этого зрелища перед домом, и чуть ли не бегом поспешил в сельсовет. И только здесь он дал волю своим чувствам, высказав вслух всё, что думает об электриках и их бригадире. И я опять оказался невольным свидетелем его праведного гнева.

Идея поставить дерево вместо столба, поскольку другого материала у нас всё равно не было, пришла мне ещё вчера. Мы с Толиком выкопали наш многострадальный столб, замерили длину его половинок и отпили сухое дерево строго в размер. Затем мы хотели обрубить ему сучки и обтесать, чтобы сделать из него какой-никакой столб. Но провести в ночной темноте эту шумную и сложную работу оказалось просто невозможно, поэтому мы ограничились лишь тем, что вывернули изоляторы из старого столба и, предварительно отмерив нужную высоту, ввернули в дерево. Соглашусь, что получилось, конечно, не очень, но прикрепить провода можно было вполне...

Толик пришёл в этот день очень рано и опять разочаровал меня тем, что никак не может найти двадцатое дело. А я, в свою очередь, поведал ему, что председателю всё-таки не понравилось наше дерево с изоляторами.

– Да, не додумались мы, – заметил Толик, – нам нужно было бы днём его в кустах обтесать, когда светло и стук топора внимание не привлечёт, а ночью уже только поставить.

– Конечно, лучше бы так сделать, – согласился я, – но ты знаешь, нас это не сильно спасло бы: дерево – оно и в Африке дерево!

Мы помолчали. Обедать ещё было рано, а обсуждать ситуацию со столбом дальше не имело смысла. Я пошёл работать, а Толик помогал мне, потому что всё равно не знал, чем заняться. Председатель до электриков так и не дозвонился и уехал в соседний район решать вопрос с кормами. Но ближе к обеду произошло ещё одно событие: на дороге, ведущей к коровнику, появилась грузовая машина, которая привезла больше десятка столбов для линии электропередачи.

– Зачем они так много привезли? – спросил Толик. – Там всего-то чуть-чуть не хватало.

– Не знаю, – пожал я плечами, продолжая укладывать документы в папку для передачи их в архив.

– Слушай, – вдруг сказал Толик, – а давай наше дерево на новый столб заменим, вон их сколько привезли!

Я от этой мысли даже работать перестал. С одной стороны, идея хорошая, а с другой – не спать третью ночь подряд как-то совсем уже не хотелось. Но, подумав немного, я согласился с другом: надо же нам было исправить то, что мы сами натворили. Да и электриков подводить никак не хотелось. Во время обеда мы специально прогулялись к строящемуся коровнику – поближе оценить привезённые столбы. Они были точно такие же, как и те, что уже стояли вдоль дороги. В отдельном большом ящике лежали изоляторы и рядом весь необходимый инструмент для монтажа: ручной бур, тросик, отвес, уровень и что-то ещё.

– Ну а что? – подытожил Толик, когда мы шли обратно. – Выдернем сегодня ночью наше дерево, опыт у нас уже есть, и вставим один из этих столбов! Думаю, должно получиться.

Этой же ночью, ровно в двенадцать часов я опять был разбужен стуком в окно.

– Ходим по ночам в это поле, как на работу! – проворчал я, выбираясь из дома. – Когда же это кончится?

– Ничего! – успокоил меня Толик. – Надеюсь, сегодня в последний раз! Привезли бы они пораньше свои столбы, нам бы и дерево это ставить не пришлось!

Чтобы было полегче, мы сначала отпилили дерево, отвинтили с него

изоляторы и оттащили его подальше. Потом откопали и выдернули то, что оставалось в земле. Работа шла быстро. Мы привычно пригibasь, когда по дороге проезжали машины, и орудовали инструментом практически бесшумно: видимо начал сказываться опыт прошлых ночей. Здорово тяжело было тащить столб из общей кучи до нашего места, но мы и с этим справились, и даже с первого раза ловко вставили его в отверстие в земле. Устанавливали мы столб уже по уровню и отвесам, а не на глазок, как раньше. В общем, получилось всё хорошо и очень быстро. На этот раз мы даже остались довольны своей работой.

– Ты знаешь, что плохо? – заметил я, опершись рукой на только что установленный столб. – Двадцатое доброе дело мы с тобой так и не сделали...

– Да, – согласился Толик, присаживаясь рядом на корточки: домой он явно не спешил. – Я боюсь, что теперь мы и не сделаем, – продолжил он. – Всего-то два дня осталось!

– Считай, что один, – поправил я его.

– Ну да, – он кивнул головой. – Обидно...

– Слушай, а давай, – неожиданно предложил я, – недостающие столбы до коровника поставим? Нам теперь эту работу сделать – раз плюнуть! Тем более с таким инструментом: это ж не вручную ямы копать. А представляешь, как здорово – электрики завтра придут, а столбы уже стоят, можно провода натягивать! Это ж какая экономия времени получится! И нам последнее дело в копилку...

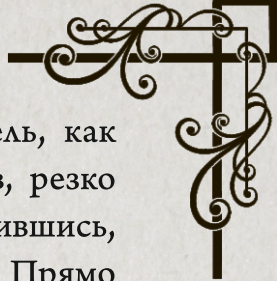
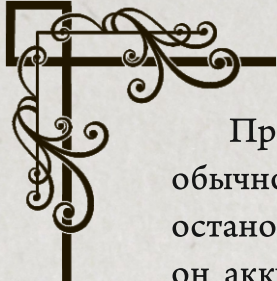
– Все, боюсь, не сдюжим, – усомнился Толик. – Их до коровника хоть и мало осталось поставить, но и нас-то тоже всего двое, а не целая бригада...

– Ну, сколько сможем, – успокоил я его. – Всё им на завтра поменьше останется.

Толик посмотрел на меня, на стоящий столб, зачем-то оглянулся на дорогу и, хлопнув себя по коленям, поднялся на ноги:

– Давай, ты прав, поставим сколько успеем. А там посмотрим. Правда по уму эту работу днём надо делать, а не ночью, но у нас, – развёл он руками, – другого времени нет.

На какую глубину закапывать столбы мы теперь знали хорошо. Поэтому, измерив расстояние между уже поставленными столбами, мы наметили и пробурили в земле первое отверстие. Это оказалось гораздо быстрее, чем копать, а самое главное, столб в такое отверстие входил плотно и не надо было его закапывать и утрамбовывать. Кроме того, ничего перетаскивать уже не приходилось: столбы лежали как раз на том участке дороги, где мы их и ставили. Да и работалось нам спокойней, потому что на нас уже не смотрели окна председательского дома. За первым столбом последовал второй, потом третий, потом четвёртый. К утру нашими усилиями линия столбов дошла до самого коровника. Устали мы здорово, буквально валялись с ног, но работа была сделана и, по-моему, весьма неплохо!

Проснувшись и резким движением откинув одеяло, председатель, как обычно, бодро направился к окну, но, не дойдя до него двух шагов, резко остановился, гадая, что на этот раз он там увидит. Осторожно приблизившись, он аккуратно раздвинул шторы и посмотрел сквозь стекло на улицу. Прямо перед его домом вместо дерева опять стоял обычный столб линии электропередачи.

– Ну, слава Богу! – воскликнул председатель. – Михалыч убрал своё дерево, а то ведь курам на смех! – и, успокоившись, он пошёл умываться, что-то напевая себе под нос.

А в это время бригада электриков во главе с Михалычем стояла возле самого коровника, оглядывая стройную шеренгу столбов.

– Ну что, хорошо стоят! – сказал Михалыч, обращаясь к бригаде. – Спасибо председателю, помог! Тогда мы прямо сейчас и линию потянем. К вечеру будет готова.

Когда я утром пришёл на работу в сельсовет, спать хотелось жутко, но работалось мне хорошо. Я весь день вспоминал наши с Толиком дела: и как мы мыли технику, и как месили раствор на коровнике, и как работали в клубе, и, конечно, как устанавливали столбы. Мне припомнилось, как мы сомневались, что в нашем селе можно найти так много добрых дел, как мы несерьёзно относились к этой практике, как Толик впал в азарт, когда у нас наконец-то пошла работа и даже дождь потом уже не мог остановить его. Да, теперь в его блокнотике было 20 добрых дел, но я совсем не думал об этом. Я думал о том, как многому мы незаметно для себя научились, и, когда в окне появилась голова моего друга и Толик предложил вечером после работы пойти на элеватор помогать сварщикам, я тут же согласился, даже забыв, что не спал всю ночь и нам уже не обязательно делать добрые дела.

